

М. КУЗМИНЪ.

**ГЛИНЯНЫЯ
ГОЛУБКИ.**

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВЪ.

Im Werden Verlag
München 2007

Е. Нагродской.

Изъ глины голубыхъ голубокъ
Лѣпилъ прилежной я рукой,
Вдыхая душу въ нихъ дыханьемъ.
И шевелилися съ шуршаньемъ,
И жалися одна къ другой,
Садясь въ кругъ на круглый кубокъ.
Клевали алыя малины,
Лѣнливо пили молоко,
Закинувъ горла голубыя,
И были какъ совсѣмъ живыя,
Но не летали далеко,
И зналъ я, что онѣ изъ глины.
И показалось мнѣ бездушнымъ
Таинственное ремесло,
И призрачными стали птицы,
И начала душа томиться,
Чтобъ сердце даръ свой принесло
Живымъ голубкамъ, но послушнымъ.

1913.

ЧАСТЬ I-ая.

ВЕСЕЛЫЙ ПУТЬ.

I.

ВЪ ДОРОГЪ

1913 (Февраль — Августъ).

Посвящается ЮР. ЮРКУНУ

1.

Нѣтъ, жизни мельница не стерла
Любовной смѣлости въ крови, —
Хочу запѣть во все я горло
Мальчишескую пѣснь любви!
Довольно таять! мы не бабы
И не эстеты, чортъ возьми!
Повѣрьте, мы не такъ ужъ слабы,
Чтобъ дамамъ корчить bel-amі!
Ахъ да, боа, перчатки, перья
И юбокъ шелковыхъ фру-фру...
Мы — два веселыхъ подмастерья —
Идемъ, обнявшись, поутру.
Придется — красимъ и заборы,
Простую пѣсенку споемъ.
Безъ увѣренья вѣрны взоры,

Весь міръ другой, когда вдвоемъ.
Что намъ обманчивая слава?
На мнѣнье свѣта наплевать!
Отель закрыть, — съ травой канава
Замѣнить пышную кровать.
Намъ все равно: столицы, села
Или некошенный пустырь,
Куда ведетъ, смѣясь, веселый,
Влюбленный въ солнце поводырь.
Цвѣтемъ, какъ впору только розѣ,
Пою безцѣльно, словно чижъ,
И ни въ какой манерной позѣ
Теперь меня не уличишь.
Движенья нѣжности — не рѣзки,
И смѣлая любовь — проста.
Не лучше ль свадебной поѣздки
Идти пѣшкомъ, уста въ уста?

2.

Вы — молчаливо-нѣжное дитя,
Лѣниво грезите о Дорианѣ,
И на лицѣ, какъ на сквозномъ экранѣ,
Мечты капризные скользятъ, летя.
Мнѣ нравится чуть уловимый шорохъ
Страницы книжной у моихъ шкафовъ,
И, обернувшись, я всегда готовъ
Отвѣтъ найти въ прозрачно-сѣрыхъ взорахъ.
Знакомый трепетъ будится въ душѣ,
Какъ будто близко расцвѣтаетъ роза,
А вдаль играютъ Берліоза
И слышенъ запахъ стараго саше.
Съ лукавствомъ милымъ вы тихонько ждете,
Задумчиво-плѣнительный божокъ,
И вдругъ неслышно, кошкой подойдете, —
И поцѣлуй уста мои обжегъ.

3.

Слезами сердце я омою
И праздную уйму печаль, —
Вѣдь въ вѣющій тепломъ февраль
Весна встрѣчается съ зимою.
Какъ въ сельскій топлённый покой
Протрубитъ солнце свѣтомъ новымъ,
Что сердцу должно быть готовымъ
Стать полноводною рѣкой, —
Такъ, въ домъ вступивъ, мой гость неожиданный
Принесъ мнѣ молодость и свѣтъ,
Зарю грядущихъ теплыхъ лѣтъ
И поцѣлуй любви желанной.
Все голубѣе тонкій лёдъ,
Онъ скоро сломится, я знаю,
И вся душа, всѣ мысли къ маю
Ужъ окрыляютъ свой полетъ.

4.

Я твой до дна... бери и пей:
Моя любовь неистоцима,
Безкрайна, какъ просторъ степей,
И, какъ судьба, непоправима.
За что, зачѣмъ тебя люблю?
Позоромъ крою иль прославлю?
Но пусть съ собой тебя гублю, —
Живымъ тебя я не оставлю.
Какъ жертву, сердце я держу:
Трепещетъ, бьется на ладони,
И близокъ часъ, когда заржутъ
На смерть обѣщанные кони.

5.

Ютятся въ тѣни тѣнистыхъ ивъ,
Раздумчиво смотрю въ аллею.

О прошлыхъ дняхъ я не жалѣю:
Чего жалѣть ужъ, разлюбивъ?
Какъ будто ѣдетъ, молчаливъ,
Ѣздокъ влюбленнѣйшій въ лилею.
Ютась въ тѣни, я не жалѣю
Раскатной радости мотивъ.
Какой блаженной тишью нивъ
Утишенъ, я живу и млѣю?.. —
Нѣтъ! прошлыхъ дней я не жалѣю,
Узнавъ дней нынѣшнихъ приливъ.

6.

Вы — бѣлое бургундское вино,
Гдѣ дремлетъ сладостно струя шампани,
И рѣзвится, и пѣнится заранѣ,
Восторга скрытаго оно полно.
Вы — персикъ, румянѣющий янтарно:
Пьянить и нѣжить дѣвственный пушокъ.
Не правда-ль, вы тотъ стройный пастушокъ,
Которымъ бредила царица Арно?
Въ васъ свѣтится таинственный топазъ,
Какъ отголосокъ солнца, еле-еле.
Оживлено дыханіемъ апрѣля
Веселье свѣтлыхъ и лукавыхъ глазъ.

7.

Зачѣмъ мнѣ розказни гадалки,
Какой мнѣ ждать еще весны,
Когда очей твоихъ фіалки
Мнѣ льютъ весеннѣйшіе сны?
Зовутъ томительно и нѣжно
Въ невѣдомую даль идти,
И сердце сладостно-мятежно
Готово къ новому пути.

Когда бь веселыя равнины
И пасмурныя всѣ мѣста
Могли пройти мы до кончины,
Какъ и теперь — уста въ уста!

8.

Развѣ можно дышать, не дыша,
Развѣ можно ходить, не вставая,
Развѣ можно любить, коль другая
Не отвѣтитъ влюбленно душа?

Ахъ, безъ солнца безсолнеченъ день,
Холодны водопадныя рѣки,
И съ трудомъ подымаются вѣки,
Если голову ломить мигрень.

Развѣ странно, что, только любя,
Я дышу, и пишу, и мечтаю,
Что нигдѣ я покоя не знаю,
Проведя полчаса безъ тебя?

9.

Еще не скоро разбухнуть почки
И до апрѣля вѣдь далеко,
А я читаю простыя строчки, —
И мнѣ такъ радостно — легко.
Мы всѣ умѣемъ лицемѣрить
И за словомъ въ карманъ не лѣзть,
Но сердцу хочется такъ вѣрить,
Что ваши строчки — благая вѣсть.
Я вѣрю, вѣрю. Къ чему порука?
Вѣдь я не скептикъ, не педантъ,
Но ревность — это такая мука,
Какой не выдумалъ и Дантъ.

10.

Склоненный ангелъ на соборѣ
Свой пламенникъ бросаетъ въ твердь,
Исчезла съ яростью во взорѣ
Растоптанная смертью смерть.
Дрожить восторженная ода
Въ гудѣніи колоколовъ.
Всѣ улицы полны народа,
Какъ будто чудный свой уловъ
«Ловець людей» сюда на сушу
Весь выкинулъ. Вдали пальба. —
Ожесточеннѣйшую душу
Растопить радостью мольба.
Иду съ тобой. Весь міръ — безлюдень,
Толпы какъ нѣтъ, лишь ты да я.
Для насъ однихъ такъ праздникъ чудень.
Идемъ, дыханье затая.
И въ сердце огненной горою
Не купина — горящій лѣсъ
Поетъ: «тобой, однимъ тобою
Сегодня навсегда воскресъ!»

11.

Ни видъ полей въ спокойной дали,
Ни миръ безоблачныхъ небесъ,
Ни полные простой печали
Старинные напѣвы мессъ,
Мнѣ не даютъ успокоенья,
Не льютъ мнѣ сладостной любви. —
Все то же темное волненье
Бунтуетъ въ сумрачной крови.
И я, вода тоскливымъ окомъ,
Вдругъ падаю тебѣ на грудь, —
И вотъ къ живительнымъ истокамъ
Ужъ найденъ долгожданный путь.
И нѣтъ ужъ тяжести безмѣрной,
Свѣтло и вольно впереди,

Когда прижмусь я къ вѣрной, вѣрной
Твоей цѣлованной груди.

12.

Глупое сердце все бьется, бьется —
Счетъ ведетъ...
Кажется, вотъ вотъ сейчасъ разобьется —
Нѣтъ, живетъ...

Вы перержавѣли, вы устали,
Мысли, сны. —
Но вдругъ воспрянешь упрямѣй стали,
Ждешь весны.

Весны не будетъ, весны не будетъ.
Ложь, все ложь!
Сердце! когда же страданье убудетъ...
Когда умрешь?

13.

Мы думали, кончилось все,
Захлопнулась дверь...
Почему? Отчего? Не знаю...
Милый, повѣрь, повѣрь:
Мое сердце всегда твое!
Кончилось все навѣкъ,
Лежу не смыкая вѣкъ...
Вспоминаю
Твое письмо,
Жестокіе разговоры...
Бѣлой ночи бѣльмо
Бѣлѣть сквозь блѣдныя шторы...
Что это? сонъ?
Безшумно двери открылись...
Остановились

Вы на порогѣ.
Ни радостный стонъ,
Ни крикъ
Моей не выдалъ тревоги...
Долгій, долгій мигъ!
Смотрю, раскрывъ глаза, —
Такъ, это вы...
Только нѣтъ въ рукахъ вашихъ палки...
Такъ близки и такъ новы.
На глазахъ чуть блеститъ слеза...
Заплаканныя фіалки!
Цѣлуете... запахъ эфира
Знакомъ... Но зачѣмъ, зачѣмъ?
Какъ жилецъ иного міра,
Гость мой ласковъ и нѣмъ.
Жутко слегка и легко мнѣ...
Цѣлую, цѣлую въ уста.
Теперь я знаю: запомни!
Безъ тебя моя жизнь пуста.
Съ тобой пройду до могилы,
Измѣна — ложь!
И будешь мнѣ также милый,
Даже когда умрешь.
Я знаю (и твердъ я въ вѣрѣ):
Когда мнѣ будетъ не въ мочь,
Вы тихо откроете двери,
Какъ въ эту ночь.
Въ дверцѣ зеркальнаго шкапа
Видна ваша шляпа
Съ большими полями.
Вы стоите безъ палки...
Не увянуть въ могильной ямѣ
Заплаканныя фіалки!
Раскрою глаза все шире,
Жуткій, сладкій сонъ...
Въ знакомомъ, мертвомъ эфирѣ
Чувствую: это онъ.

II.

ХОЛМЪ ВДАЛИ

1912 (Май — Октябрь).

1.

Счастливый сонъ ли сладко снится,
Не грежу-ли я наяву?
Но кровли кроетъ черепица...
Я вижу, чувствую, живу...
Вотъ улицы и переулки,
На палкахъ вывѣски висятъ;
Шаги такъ явственны и гулки,
Такъ страненъ старыхъ зданій рядъ.
Иль то страницы изъ Гонкура,
Гдѣ за стѣной звучитъ органъ?
Но двери нѣмца винокура
Зовутъ въ подвальный ресторанъ.
И знаю я, что за стѣною
Ты, милый, пишешь у окна.
За что безмѣрною цѣною
Отплата мнѣ судьбой дана?
И кажется, что въ сердцѣ, въ тѣлѣ
Разлить любовный водоемъ...
Подумать: болѣе недѣли
Мы проживемъ съ тобой вдвоемъ!

2.

Тобой цѣлованныя руки
Сожгу, захочешь, на огнѣ.
В. К.

Цѣлованныя мною руки
Ты не сжигай, но береги:
Не такъ суровы и строги
Законы сладостной науки.

Пожаромъ жги и моремъ мой,
Ты поцѣлуевъ смыть не сможешь
И никогда не уничтожишь
Сознанья, что въ вѣкахъ ты — мой.
Ты — мой, и ты владѣешь мною,
Твоимъ дыханьемъ я дышу
И стонъ послѣдній заглушу
Передъ стрѣлою неземною.
Повѣрь: судьба, не просто случай,
Тебѣ открыла тайну силъ,
Чтобъ ты стрѣлу благословилъ,
«Плѣненный прелестью пѣвучей».

3.

Рядъ круговъ на буромъ полѣ
Образуетъ странно сѣть...
Милый другъ, не въ силахъ болѣ
На обои я смотрѣть.
Выступаютъ капли поту,
И сжимается рука,
На обояхъ сквозь дремоту
Вижу буквы «В» и «К».
Память тихо улетаетъ,
Застилаетъ взоръ туманъ...
Сквозь туманъ плыветъ и таетъ
Твой «зеленый доломанъ».
Мнится: встанешь, поцѣлуешь,
Сердце весело отдашь...
Обернусь — ты все рисуешь
Да скрипитъ твой карандашъ.
Мысли бьются, мысли вьются,
Какъ зимой мятель въ трубѣ.
Буквы въ сердцѣ остаются,
Доломанъ же — на тебѣ.

4.

Влюбленъ ли я — судите сами:
Могу смотрѣть на васъ часами,
Не отводя плѣнныхъ глазъ,
Мнѣ все уныло, все не мило,
Мнѣ все какъ мрачная могила,
Когда не вижу рядомъ васъ.

Нѣтъ ни натяжки, ни рисовки
(Хотя на то поэты ловки),
Когда пою вашъ «доломанъ»;
Коль вами жизнь моя согрѣта,
Пускай клеймятъ насмѣшки свѣта
Мой нѣжный, набожный романъ.

Въ своей судьбѣ ужъ я не воленъ.
Безъ васъ я сумраченъ и боленъ
И вами брежу наяву.
Пускай вопросъ рѣшится вами:
Какими новыми словами
Свое я чувство назову?

5.

Дороже сына, роднѣ брата
Ты сталъ навѣки душѣ моей,
И безъ тревоги я жду возврата
Румяно-ясныхъ, осеннихъ дней.
Зима и осень, весна и лѣто
Теперь — единый, счастливый кругъ,
Когда все сердце тобой согрѣто,
Мой неизмѣнный, желанный другъ.

6.

Я тихо отъ тебя иду,
А ты остался на балконѣ.
«Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»
Трубятъ въ Таврическомъ саду.
Я вижу блѣдную звѣзду

На тепломъ, свѣтломъ небосклонѣ,
И лучшихъ словъ я не найду,
Когда я отъ тебя иду,
Какъ «славень нашъ Господь въ Сіонѣ».

7.

Покойся, мирная Митава,
Отнынѣ ты въ моей душѣ
Какъ замковъ обветшалыхъ слава,
Иль запахъ стараго саше.
Но идиллической дремоты
Безсильны тлѣющіе сны,
Когда мой слухъ пронзили ноты
Кристалльно-звонкія весны!
И осень съ милымъ увяданьемъ
Мнѣ непонятна и пуста,
Когда божественнымъ лобзаньемъ
Меня поятъ твои уста.

8.

Что за Пасха! снѣгъ, туманъ,
Неожиданная слякоть!
Въ Мартѣ вѣрить ли зимѣ?
Ты опять придешь ко мнѣ,
Мой зеленый доломанъ,
Будешь снова шпорой звякать.
Былъ и я въ чужихъ краяхъ...
Ахъ, Firenze, Vienna, Roma...
Но я думалъ: «не обманъ —
Твой зеленый доломанъ!
Хорошо гостить въ гостяхъ,
Но куда милѣй быть дома!»
О проказахъ — ни гу-гу,
Пусть молчатъ твои чикчиры...

Сядемъ лучше на диванъ,
Мой зеленый доломанъ!
Для тебя я сберегу
Пѣсенки все той же лиры.

9.

Ты пріѣдешь сюда загорѣлымъ,
Но всегда безконечно милымъ.
Вѣдь и въ смугломъ тѣлѣ, какъ въ бѣломъ,
Та же кровь струится по жиламъ.
Твои губы, онѣ не увяли,
Твои щеки упруги, какъ прежде...
А бывало: не я ли, не я ли
Изнывалъ въ далекой надеждѣ?
Опьяненъ я все тѣмъ же тѣломъ,
Я покоренъ все тѣмъ же силамъ...
Ты пріѣдешь сюда загорѣлымъ,
Но всегда безконечно милымъ.

10.

«Два ангела напрасныхъ
за спиной».

Въ обманчивомъ, тревожномъ снѣ
Я пѣлъ про ангеловъ напрасныхъ,
Не зная, изъ какихъ прекрасныхъ,
Плѣнительныхъ и нѣжно страстныхъ
Пошлется спутникъ съ неба мнѣ.
Твои улыбчивыя губы
Амуръ стрѣлой нарисовалъ
И юный округлилъ овалъ.
Кого я прежде ни знавалъ,
Передъ тобой — пусты и грубы.
Кто далъ такую удлиненность
Приподнятыхъ и свѣтлыхъ глазъ?
Прозрачнѣй фьорда въ тихій часъ,

Они всегда вселяютъ въ насъ
Благоговѣнне и влюбленность.
Не ты ль отъ Божьяго престола,
Плащемъ прикрывши прелесть плечъ,
Держа въ рукѣ копье иль мечъ,
Пришелъ для предрѣшенныхъ встрѣчъ
Къ тому, что звалъ тебя изъ дола?
Нѣтъ, не обманчивы мечты:
Пускай пути мои опасны,
Пускай грѣхи мои ужасны, —
Тѣ ангелы, они напрасны,
Когда вождемъ мнѣ посланъ ты.

11.

Смутишься ль сердцемъ оробѣлымъ?
Моя любовь не такъ мала,
Чтобъ не сказать предъ міромъ цѣлымъ,
Какое счастье мнѣ дала,
Къ какому счастью привела.
Не трусы мы, не лицемѣры...
Пусть всѣ, кому любовь мила,
Прочтутъ влюбленности примѣры.

Природа душу вмѣстѣ съ тѣломъ
Въ союзѣ стройномъ создала,
И въ сердцѣ лишь окаменѣломъ
За это не звучить хвала.
Мы всѣ — природы зеркала,
Мы люди съ кровью, не химеры,
И тотъ, кого пронзить стрѣла,
Прочтетъ влюбленности примѣры.

Блаженнымъ и высокимъ дѣломъ
Соединяетъ страсть тѣла.
Безумьемъ было-бъ неумѣлымъ
Отрѣзать вѣтви отъ ствола.
Кто — яркій пламень, не зола,

Кудрявый сынъ златой Венеры,
Кого стрѣла твоя звала,
Прочтетъ влюбленности примѣры.

Ты самъ, амуръ, кому была
Извѣстна крѣпость нашей вѣры,
Присядь у нашего стола —
Прочестъ влюбленности примѣры.

12.

Всегда стремясь къ любви неуловимой,
Скитался я, какъ странникъ, межъ людей,
Еще тебя не зная, чародѣй,
Воинственною облеченный схимой.
Очаровательною пантомимой
Любуясь, думалъ я: «помолодѣй,
О сердце, язвы отъ страстныхъ гвоздей
Другимъ, а не тебѣ, да идути мимо!»

Кощунственно я мыслилъ о любви,
Не зная близости чудесной встрѣчи,
И вдругъ увидѣлъ сердце все въ крови.

Зовешь меня мечомъ небесной сѣчи?
Еще зовешь? на радость, иль на бой
Зови меня! я — твой, я — твой, я — твой!

III.

ОСТАНОВКА.

1912 — 1913 г.

1.

Какой насмѣшливый механикъ
Будильникъ въ сердце мнѣ вложилъ,
Чтобъ межъ восторговъ и средь паникъ
Одинъ мотивъ всегда въ немъ жилъ?
Минуты горько боевыя,
Какъ всѣмъ, дадутъ мнѣ небеса,
Но «очи, очи голубые»
Поетъ будильникъ полчаса.
Не радостень, но и не скучень,
Молчать и пѣть равно готовъ,
Кому нибудь всегда поручень
Заводной ключикъ отъ часовъ.
Часы тоски, минуты шутки, —
Напрасный и нелѣпый счетъ, —
Какъ хорошо, что черезъ сутки
Опять про «очи» запоетъ!
Воспользуйся правами шире,
Заводъ любовный повтори:
Я не всегда пою въ четыре,
Могу я пѣть и въ два, и въ три.

2.

Девять родинокъ прелестныхъ
Поцѣлуями считаю,
И, считая, я читаю
Тайну, слаще тайнъ небесныхъ.
На щекахъ, на милой шеѣ,
У груди, гдѣ сердце бьется...
Отъ лобзаній не сотрется
То, что мускуса темнѣе.

Такъ по лѣстницѣ небесной,
Четки нѣгъ перебирая,
Я дверей достигну рая
Красоты твоей чудесной.
Та ли родинка восьмая
Мнѣ милѣй всего на свѣтѣ,
Слаще тѣни въ тепломъ лѣтѣ
И милѣй, чѣмъ вѣтеръ Мая.
А дойду я до девятой —
Тутъ ужъ больше не считаю...
Только таю, таю, таю,
Нѣжнымъ пламенемъ объятый.

3.

Ты ходишь въ курткѣ зеленой,
Отвѣчаешь на всякій зовъ,
Но мой взоръ неясно-влюбленный
На тебя обратиться готовъ.
Напрасно и глупо ревную,
Слѣдя улыбку и взглядъ,
И волнуетъ душу тупую
Знакомый и легкій ядъ.
Я тебя никогда не встрѣчу,
А можетъ быть, встрѣчу опять...
И зачѣмъ я тебя замѣчу,
Тебѣ будетъ трудно понять.

4.

Кому любви огонь знакомъ,
Тѣ понимаютъ,
Какъ лепестокъ за лепесткомъ
Томительно влюбленнымъ ртомъ
Срываютъ.

И сочной, бѣлой розы ядъ
Впиваемъ сладко,
И щеки пламенемъ горять...
Туманить нѣжно близкій взглядъ
Догадка.

Еще, еще послѣдній разъ
Не розу, губы...!
Игра причудливыхъ проказъ
И трепетъ томно-темныхъ глазъ
Мнѣ любы.

5.

Въ грустномъ и блѣдномъ гримѣ
Играетъ слѣпой Пьеро.
Не правда ли, лишь въ пантомимѣ
Ты слѣпъ, бѣлокурый Пьеро?
Тебѣ не другіе сказали,
Что теперь я плѣненъ тобой,
Что, сидя въ потухшемъ залѣ,
Слѣжу за однимъ тобой.
Ты видишь слѣпыми глазами
Мои не слѣпые глаза,
И взгляды, взгляды межъ нами, —
Какъ стрѣлы изъ глазъ въ глаза.
Ты знаешь: ничто не вѣчно,
Зачѣмъ же плачетъ твой ротъ?
А я бы хотѣлъ безконечно
Цѣловать этотъ алый ротъ.
О будущемъ я не гадаю, —
Все проходитъ, грустный Пьеро.
А теперь люблю и мечтаю
О тебѣ, бѣлокурый Пьеро.

6.

Свѣжимъ утромъ рано рано
Бросилъ взоръ я на рябину: —
О, запекшаяся рана!

Мальчикъ, выбравъ хворостину,
Пурпуръ ягодъ наземь бросить, —
А куда я сердце кину?

Осень ясность дней приноситъ,
Просквозили лѣса чащи.
Сердце радости не просить.

Все упорнѣе, все чаще
Прилетаетъ призракъ смерти,
Что любви и жизни слаще.

О, не вѣрьте, о, не вѣрьте,
Этимъ призрачнымъ навѣтомъ
Грусть осеннюю умѣрьте.

Возвратится солнце съ лѣтомъ,
Зацвѣтетъ опять рябина,
Жаръ придетъ съ веселымъ свѣтомъ.

Для кого моя терцина,
Тотъ не знаетъ, тотъ не спросить,
А найдется хворостина, —

Пурпуръ ягодъ на земь сбросить.

7.

Н. А. Зноско-Боровской.

Я знаю, ты любишь другую,
Другою сердце полно,
Зачѣмъ же не плачу, тоскуя,
Какъ будто мнѣ все равно?
Тоскую, тоскую, тоскую,
Но будетъ, что суждено:
Все равно ты любишь другую
И ея сердце полно.

Мой милый, молю, на мгновенье
Представь, будто я — она.
Излей на меня волненье,
Какимъ твоя грудь полна.
Забудусь сладкимъ забвеньемъ,
Что любовь у насъ одна,
Что однимъ, однимъ волненьемъ
Моя грудь и твоя полна.

Ты шепчешь имя чужое,
Но видишь мои глаза...
Я страданье глубоко скрою,
На глазахъ не блеститъ слеза.
Прошумитъ, прошумитъ весною,
Молодою весной гроза, —
И встрѣтятъ меня не чужою
Твои не чужіе глаза.

IV.

ОТДЫХЪ.

1912 — 1913.

1.

Бываютъ странными пророками
Поэты иногда...
Косноязычными намеками
То накликается,
То отвращается
Грядущая бѣда.

Самимъ невѣдомо, что сказано,
Какой іероглифъ.
Вдругъ то, что цѣпью крѣпкой связано,
То разлетается, —
То разражается, —
Сердца испепеливъ...

Мы строимъ призрачныя зданія,
Чертимъ чужой чертежъ,
Но вдругъ плотину рвутъ страданія,
И разбиваются,
И разстилаются...
Куда отъ нихъ уйдешь?

Чѣмъ старше мы, тѣмъ осторожнѣе
Въ грядущее глядимъ.
Страшны опасности дорожныя,
И въ дни субботніе
Все беззаботнѣе
Нѣмѣетъ нелюдимъ.

2.

Зачѣмъ тѣ чувства, что чище кристалла,
Темнить лукавствомъ ненужной игры?
Скрываться время еще не настало,
Минуты счастья просты и добры.
Любить такъ чисто, какъ Богу молиться,
Любить такъ смѣло, какъ птицѣ летать.
Зачѣмъ къ пустому роману стремиться,
Когда намъ свыше дана благодать?

3.

Какъ сладко дать словамъ размѣреннымъ
Любовный ядъ и остріе!
Но слаще быть вполнѣ увѣреннымъ,
Что ваше сердце — вновь мое.
Я знаю тайно, внѣ сомнѣнія,
Что неизбеженъ странный путь,
Зачѣмъ же смутное волненіе
Безвѣрную тревожитъ грудь?
Мнѣ все равно: позоръ, побѣда ли, —
Я все благословлю, пока
Уста любимые не предали
И не отдернулась рука.

4.

Дни мои — облака заката...
Легокъ, аль златокрылый рядъ...
Свѣтъ же ихъ отъ твоихъ объятій,
Близко ты — и зарей горять.
Скрылся свѣтъ — и потухли груди
Хмурыхъ тучъ, какъ свинцовый грузъ,
Нѣтъ тебя — и весь міръ — безлюдье,
Тяжекъ гнетъ ненавистныхъ узъ.

5.

Какіе дни и вечера!
Еще зеленый листъ не вянетъ,
Еще веселая игра
Въ луга и рощи сладко тянетъ.
Но свѣжестъ бѣлыхъ облаковъ,
Отчетливость далекихъ линій
Намъ говоритъ: «порогъ готовъ
Для осени златисто-синей!»
Гляжу въ кисейное окно
На палевый узоръ заката
И терпѣливо такъ давно
Обѣщаннаго жду возврата.
И память сердца такъ свѣтла,
Печаль не кажется печальной,
Какъ будто осень принесла
Съ собою перстень обручальный.
И раньше, чѣмъ кудрявый вязъ,
Подернуть златомъ, покраснѣть,
(Я вѣрю) вновь увидитъ Васъ,
Кто любить, помнить, пламенѣть!

6.

Я не любовью грѣшенъ, люди,
Передъ любовью грѣшенъ я,
Какъ тотъ, кто слышалъ вѣсть о чудѣ
И самъ пошелъ къ навозной грудѣ
Зарыть жемчужину огня.
Какъ тотъ, кто таялъ въ свѣтѣ новомъ
И самъ, играя и смѣясь,
Не вѣря сладостнымъ оковамъ,
Высокимъ называетъ словомъ
Собачекъ уличную связь.
О, радость! въ третій разъ сегодня
Мнѣ жизнь надежна и свѣтла.
Съ ладьи небесъ спустились сходни,

И нѣжная рука Господня
Меня отъ бездны отвела.

7.

Не называй любви забвеньемъ,
Но вѣщей памятью зови,
Учась по преходящимъ звеньямъ
Безсмертію одной любви.
Пускай мы искры, знаемъ, знаемъ:
Святая головня жива!
И, повторяя, понимаемъ,
Яснѣе прежнія слова.
И каждымъ новымъ поворотомъ
Мы утверждаемъ ту же власть,
Не преданы пустымъ заботамъ
Во искушеніе не впасть.
Узнавъ обманчивость паденій,
Стучусь я снова въ ту же дверь,
И огненный крылатый геній
Роднѣй и ближе мнѣ теперь.

8.

Судьба, ты видишь: сплю безъ сновъ
И сонъ глубокъ.
По самой смутной изъ основъ
Снуетъ челнокъ.
И ткеть, и ткеть въ пустой тѣни, —
Узора нѣтъ.
Ты нити длинной не тяни,
О, лунный свѣтъ!
Во власти влажной я луны,
Но я не твой:
Мнѣ ближе — солнце, валуны
И вѣтра вой.
Сіявшій позабылъ меня,
Но онъ придетъ, —
Сухая солнечность огня
Меня зоветъ.

Затку я пламенный узоръ
(Недолго ждать),
Когда вернется прежний взоръ
И благодать!

9.

Е. А. Нагродской.

Мнѣ снился сонъ: въ глухихъ лугахъ иду я,
Надвинута повязка до бровей,
Но сквозь нее я вижу, не колдуя:
Растетъ трава, ромашка и шалфей,
(А сердце бьется все живѣй, живѣй),
И вдругъ, какъ Буонаротова Сивилла,
Предстала вѣщая царица Фей
Тому, кого повязка не томила.

Недвижно царственная, какъ статуя,
Она держала, какъ двойной трофѣй,
Два зеркала и ими, негодуя,
Грозила мнѣ; на томъ, что поправѣй,
Искусства знакъ, природы — тотъ лѣвѣй,
Но, какъ въ гербѣ склоненныя стропила,
Вязались тончайшей изъ цѣпей
Для тѣхъ, кого повязка не томила.

Затрепеталъ, какъ будто былъ во льду я
Иль какъ челнокъ, забытый средь зыбей,
А имъ играетъ буря, хмуро дую.
Жена ко мнѣ: «напрасный страхъ развѣй,
Смотри сюда, учись и разумѣй,
Что мудрость въ зеркалахъ изобразила.
Обрѣтено кормило средь морей
Тому, кого повязка утомила!»

«О, Фея, рассказалъ мнѣ соловей,
Чье имя зеркала соединило!
И свято имя это (ну, убей!)
Тому, кого повязка не томила».

V.

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

(1913).

Посвящается ЮР. ЮРКУНУ.

1.

Вы думаете, я влюбленный поэтъ?
Я не болѣе, какъ географъ...
Географъ такой страны,
которую каждый день открываешь
и которая чѣмъ извѣстнѣе,
тѣмъ неожиданнѣе и прелестнѣе.
Я не говорю,
что эта страна — ваша душа,
(еще Верленъ сравнивалъ душу съ пейзажемъ),
но она похожа на вашу душу.
Тамъ нѣтъ моря, лѣсовъ и альпъ,
тамъ озера и рѣки
(славянскія, не русскія рѣки)
съ веселыми берегами
и грустными пѣснями,
бѣлыми облаками на небѣ;
тамъ всегда апрѣль,
солнце и вѣтеръ,
паруса и колодцы
и стая журавлей въ синевѣ;
тамъ есть грустныя,
но не мрачныя мѣста,
и похоже,
будто когда-то
безпечная и свѣтлая страна
была растоптана

конями враговъ,
тяжелыми колесами повозокъ,
и теперь вспоминаетъ порою
зарницы пожаровъ;
тамъ есть дороги,
обсаженныя березами,
и замки,
гдѣ ликовали мазурки,
выгнанныя къ шинкамъ;
тамъ вы узнаете жалость,
и нѣгу,
и короткую буйность,
словно весенній ливень;
малиновки аукаются съ дѣвушкой,
а Дѣва Марія
взираетъ съ острыхъ воротъ.
Но я и другой географъ,
не только души.
Я не Колумбъ, не Пржевальскій,
влюбленные въ неизвѣстность,
обреченные кочевники, —
чѣмъ больше я знаю,
тѣмъ болѣе удивляюсь,
нахожу и люблю.
О, янтарная роза,
розовый янтарь,
топазы,
амбра, смѣшанная съ медомъ,
пурпуромъ слегка подкрашенная,
монтраше и шабли,
смирнскій берегъ
розовымъ вечеромъ,
нѣжно-круглые холмы
надъ сумракомъ сладкихъ долинъ,
древній и вѣчный рай!
Но тише...
и географу не позволено
быть нескромнымъ.

2.

Похожа-ли моя любовь
на первую или на послѣднюю,
я не знаю,
я знаю только,
что иначе не можетъ быть.
Развѣ Венера звезда
можетъ не восходить,
хотя не видная,
за тучей,
каждый вечеръ?
Развѣ хвостъ Юнониной птицы,
хотя бы сложенный,
не носить на себѣ
всѣ изумруды и сафиры Востока?
Моя любовь — проста и довѣрчива,
она неизбежна и потому спокойна.
Она не дастъ
тайныхъ свиданій, лѣстницъ и фонарей,
серенадъ и бѣглыхъ разговоровъ на балѣ,
она чужда намековъ и масокъ,
почти безмолвна;
она соединяетъ въ себѣ
нѣжность брата,
вѣрность друга
и страстность любовника, —
какимъ же языкомъ ей говорить?
Поэтому она молчитъ.
Она не романтична,
лишена милыхъ прикрасъ,
прелестныхъ побрякушекъ,
она бѣдна въ своемъ богатствѣ,
потому что она полна.
Я знаю,
что это — не любовь юноши,
но ребенка — мужа
(можетъ быть, старца).
Это такъ просто,
такъ мало,

(можетъ быть, скучно?),
но это — весь я.
Развѣ можно хвалить человѣка
за то, что онъ дышетъ,
движется, смотритъ?
Отъ другой любви мнѣ осталась
черная ревность,
но она бессильна,
когда я знаю,
что ничто,
ни она,
ни даже Вы сами,
не можетъ насъ раздѣлить.
Это такъ просто,
какъ пить, когда жаждешь,
не правда-ли?

3.

Бываютъ мгновенья,
когда не требуешь послѣднихъ ласкъ,
а радостно сидѣть,
обнявшись крѣпко,
крѣпко прижавшись другъ къ другу.
И тогда все равно,
что будетъ,
что исполнится,
что не удастся.
Сердце
(не дрянное, прямое, родное мужское сердце)
близко бьется,
такъ успокоительно,
такъ надежно,
какъ тиканье часовъ въ темнотѣ,
и говорить:
«все хорошо,
все спокойно,

все стоит на своемъ мѣстѣ».
Твои руки и грудь
нѣжны, оттого что молоды,
но сильны и надежны;
твои глаза
довѣрчивы, правдивы,
не обманчивы,
и я знаю,
что мои и твои поцѣлуи —
одинаковы,
неприторны,
достойны другъ друга, —
зачѣмъ же тогда цѣловать?
Сидѣть, какъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе,
какъ сиротамъ,
какъ вѣрнымъ друзьямъ,
единственнымъ,
у которыхъ нѣтъ никого, кромѣ нихъ,
въ цѣломъ мірѣ;
сидѣть,
обнявшись крѣпко,
крѣпко прижавшись другъ къ другу!...
сердце
близко бьется
успокоительно,
какъ часы въ темнотѣ,
а голосъ
густой и нѣжный,
какъ голосъ старшаго брата,
шепчетъ:
«успокойтесь:
все хорошо,
спокойно,
надежно,
когда вы вмѣстѣ».

4.

Какъ странно,
что твои ноги ходятъ
по какимъ-то улицамъ,
обуты въ смѣшныя ботинки,
а ихъ бы нужно безъ конца цѣловать...
Что твои руки
пишутъ,
застегиваютъ перчатки,
держатъ вилку и нелѣпый ножъ,
какъ будто онѣ для этого созданы!..
Что твои глаза,
возлюбленные глаза
читаютъ «Сатириконъ»,
а въ нихъ бы глядѣться,
какъ въ весеннюю лужицу!
Но твое сердце
поступаетъ какъ нужно:
оно бьется и любитъ.
Тамъ нѣтъ ни ботинокъ,
ни перчатокъ,
ни «Сатирикона»...
Не правда-ли?
Оно бьется и любитъ...
больше ничего.
Какъ жалко, что его нельзя поцѣловать въ лобъ,
какъ благонаправнаго ребенка!

ЧАСТЬ II-ая.

I.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

В. К.

Пуститься бы по бѣлу свѣту
Вдвоемъ съ тобой въ далекій путь,
На нашу старую планету
Глазами новыми взглянуть!
Все такъ-же траурны гондолы,
Печалень золотистый Римъ?
Въ Тосканскіе спускаясь доли,
О Данте вновь заговоримъ.
Твой вечеръ такъ же ль изумрудень,
Очаровательный Стамбуль?
Все такъ же ль въ часъ веселыхъ будень
Пьянить твоихъ базаровъ гуль?
О дальнемъ странствіи мечтая,
Зачѣмъ намъ знать стѣсненье мѣрь?
Достигнемъ мы садовъ Китая
Среди фарфоровыхъ химеръ.
Стиховъ съ собой мы брать не будемъ,
Мы ихъ въ дорогѣ сочинимъ
И ни на мигъ не позабудемъ,
Что мы огнемъ горимъ однимъ.
Когда съ тобою на кормѣ мы,
Что мнѣ всѣ пѣсни прошлыхъ лѣтъ?
Твои лобзанья мнѣ поэмы
И каждый сердца стукъ — сонеть!
На океанскомъ пароходѣ
Ты такъ же мой, я такъ же твой!

Ведеть насъ при любой погодѣ
Любовь — нашъ вѣрный рулевой.

1912.

2.

А. Ахматовой.

Залетною голубкой къ намъ слетѣла,
Въ кустахъ запѣла томно филомела,
Душа томилась вырваться изъ тѣла,
Какъ узникъ изъ темницы.

Ворожея, жестоко точишь жало
Отравленнаго, тонкаго кинжала!
Ходъ солнца ты бѣ охотно задержала
И блескъ денницы.

Такою беззащитною пришла ты,
Изъ хрупкаго стекла хранила латы,
Но въ нихъ дрожать, тревожны и крылаты,
Зарницы.

1912.

3.

Ю. Ракитину.

Ужъ прожилъ года двадцать три я,
Когда увидѣлъ, пьянъ и гордъ,
Твой плоскій и зеленый портъ,
Блаженная Александрія!
Съ жасминомъ траурный левкой
Смѣшался въ памяти бродячей,
Но воздухъ нѣжный и горячій
Все возмущаетъ мой покой.
Когда нога твоя коснется
Златого, древняго песка,
Пускай къ тебѣ издалека
Мой зовъ, какъ вѣтеръ, донесется.

И пусть мохнатая звѣзда
Въ зеленыхъ небесахъ Каноба,
Когда задумаетесь оба,
Засвѣтитъ вамъ, какъ мнѣ тогда.
Но пусть вашъ путь не такъ печально
Окончится, какъ мой давно,
Хотя намъ все присуждено
Съ рожденія первоначально.
Я вѣрю, деньги всѣ проживъ,
Вернешься счастливо въ Одессу,
И снова милаго повѣсу
Увижу я, коль буду живъ.

1912.

4.

На 20-лѣтній юбилей Ю. Юрьева.

Возможно-ль: скоро четверть вѣка?
Живемъ-ли мы въ вѣка чудесъ?
Какъ дивенъ жребій человѣка,
Что волею хранимъ небесъ!
Какъ, двадцать лѣтъ! и такъ же молодъ,
По прежнему его черты
Изобразятъ то жаръ, то холодъ
Въ расцвѣтѣ той же красоты!
Какъ прежде, трепетно и остро
Игру слѣдимъ мы перемѣнъ,
Секретъ-ли знаешь Калиостро
Или ты — новый Сень-Жерменъ?
Иль двадцать лѣтъ всего лишь было,
Какъ появился ты на свѣтъ?
Всѣ счеты сердце позабыло:
Вѣдь и всегда тому, что мило,
Все тотъ же возрастъ — двадцать лѣтъ.

1912.

5.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Мы ждемъ, и радостны, и робки,
Какой сюрпризъ намъ упадетъ
Изъ той таинственной коробки,
Что носить имя: новый годъ.
Какая рампа, что за рама
Намъ расцвѣтетъ на этотъ разъ:
Испанская-ли мелодрама
Иль воровской романъ Жиль-Блазъ?
Заплачемъ-ли, ломая руки,
Порхнемъ-ли, милы и просты?
Но пусть не будетъ только скуки,
Тупой и хмурой суеты.
Тоскливыхъ минъ, морщинъ не надо,
Ужъ свѣжій вѣтеръ пробѣжалъ,
Пусть будетъ лучше серенада,
Притонъ игорный и кинжалъ!
Кому-же въ смѣнѣ жизни зыбкой
Святой покой въ душѣ залегъ,
Тотъ знаетъ съ мудрою улыбкой,
Что это все напѣлъ Лекокъ.

6.

ВОЛХВЫ.

Тайновѣдѣньемъ вѣры
Тѣ, что были на часахъ,
Тихій свѣтъ святой пещеры
Прочитали въ небесахъ.
Тотъ-же лучъ блеснулъ, ликуя,
Простодушнымъ пастухамъ.
Ангель съ неба: «аллилуйя!
Возвѣщаю милость вамъ».
Вотъ съ таинственнѣйшимъ даромъ,
На звѣзду направляя взоръ,
Валтассаръ идетъ съ Каспаромъ,

Слѣдомъ смутный Мельхіоръ.
Тщетно бредитъ царь угрозой,
Туча тьмою напряглась:
Надъ вертепомъ вѣрной розой
Стая ангеловъ взвилась.
И забывъ о дальнемъ домѣ,
Преклонились и глядятъ,
Какъ сіяетъ на соломѣ
Божій Сынъ среди телятъ.
Не забудемъ, не забыли
Мы ночной канунный путь,
Пастухи ли мы, волхвы-ли,
Къ яслямъ мы должны прильнуть!
За звѣздою изумрудной
Тайной всѣ идемъ тропой,
Простецы съ душою мудрой,
Мудрецы съ душой простой.

7.

ЭПИТАФІЯ САМОМУ СЕБѢ.

Я былъ любимъ. Унылая могила
Моихъ стиховъ влюбленныхъ не сокрыла.
Звенить свирѣли трепетная трель,
Пусть холодна послѣдняя постель,
Пускай угасло страстное кадило!

Ко мнѣ сошелъ ты, какъ весенній Лель,
Твоя улыбка мнѣ во тьмѣ свѣтила,
Въ одномъ сознаньи — радость, счастье, сила:
Я былъ любимъ!

Разказовъ пестрыхъ сѣть меня плѣнила,
Любви плѣненье пѣть мнѣ было мило,
Но слава сладкихъ звуковъ не во снѣ-ль?
Одно лишь, какъ смѣющійся Апрѣль,
Меня будило, пенило, живило —
Я былъ любимъ!

1912.

Ю. Ракитину.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЭНДИ.

Разочарованъ, мраченъ, скученъ
Страну родную покидалъ,
Мечтѣ возвышенной послушенъ,
Искалъ повсюду идеаль.
Бездоненъ жизненный колодець,
Когда и кто его избѣгъ?
Трудиться — я не полководецъ,
Не дипломатъ, не хлѣбопекъ.
Тщеславье — это такъ вульгарно,
Богатство — это такъ старо!
Ломаеть чернь неблагодарна
Поэта славное перо...
Любовь — единая отрада,
Маякъ сей жизни кочевой,
И тихо-мирная услада,
И ядъ безумно-огневой!
Ищу тебя, моя жаръ-птица,
Какъ нѣкій новый Донъ-Жуанъ,
И, ахъ, могло-ли мнѣ присниться,
Что и любовь — одинъ обманъ?
Теперь узналъ, какъ то ни больно,
Что я ловилъ пустой фантомъ,
И дымъ отечества неволью
Мнѣ сладокъ, какъ родимый домъ.
Отъ Эдинбурга до Канады
И отъ Кантона вплоть до Сьеръ
Я не нашель себѣ отрады,
Теряя лучшую изъ вѣръ.
Ахъ, женщины совсѣмъ не тонки,
Готовы всѣ на компромиссъ —
И негритянки, и японки,
И даже англійскія миссъ!
Мнѣ экзотическія чары

Сулили счастье до дна,
Но это все — аксессуары
И только видимость одна.
Теперь отъ томной, блѣдной леди
Я не впадаю больше въ трансъ,
Съ тѣхъ поръ какъ, позабывъ о пледѣ,
Покинулъ спѣшно дилижансъ.
Видъ добродѣтельныхъ Лукрецій
Мнѣ ничего не говоритъ,
А специальныхъ разныхъ спецій
Желудокъ мой ужъ не варить.
Не знаю, вы меня простите-ль
За мой томительный куплетъ.
Теперь я зритель, только зритель,
Не Донъ-Жуанъ и не поэтъ.

1913.

9.

Ю. Ракитину.

ПИСЬМО ПЕРЕДЪ ДУЭЛЬЮ.

Прощайте, нѣжная Колетта!
Быть можетъ, не увижу васъ,
Быть можетъ, дуло пистолета
Укажетъ мнѣ послѣдній часъ,
И, ахъ, не вы, а просто ссора
За глупымъ ломбернымъ столомъ,
Живая страстность разговора
И невоспитанный обломъ —
Вотъ всѣ причины. Какъ позорно!
Безчестія славнѣе гробъ,
И предо мной вертитъ упорно
Дней прожитыхъ калейдоскопъ.
Повсюду вы: то на полянкѣ
(О, первый и блаженный мигъ!)
Какъ къ вашему лицу смуглянки
Не шелъ напудренный парикъ!

Какъ былъ смѣшонъ я, какъ неловокъ,
(И правда, ну какой я пажъ!)
Запутался среди шнуровокъ
И смялъ вашъ голубой корсажъ!
А помните, ужъ было поздно
И мы катались по пруду.
«На вѣкъ», — сказали вы серьезно
И указали на звѣзду.
Панье въ зеленыхъ, желтыхъ мушкахъ
Напоминало мнѣ Китай,

Вашъ профиль въ шелковыхъ подушкахъ...
Прощайте, ахъ, прощай, прощай!
Мой одинокій гробъ отмѣтимъ
Строкой короткой, какъ девизъ:
«Покойтесь подъ камнемъ этимъ
Любовникъ вѣрный и маркизь».

1913.

10.

С. Судейкину.

БАЛЕТЪ (картина С. Судейкина).

О царство милое балета,
Тебя любилъ старикъ Ватто!
Съ привѣтомъ призрачнаго лѣта
Ты насъ плѣняешь, какъ ничто.
Болонскій докторъ, арлекины
И пудры чувственный угаръ!
Вдали лепечуть мандолины
И ропщутъ рокоты гитаръ.
Цѣлуетъ руку... «Ахъ... мнѣ дурно!
Измѣны мнѣ не пережить!
Гдѣ блѣдная подъ ивой урна,
Куда мой легкій прахъ сложить?»
Но желтый занавѣсъ колышетъ
Батманъ, носокъ и менуэтъ.

Красавица ужъ снова дышетъ,
Вѣдь этотъ мѣръ — балетъ, балетъ!
Амуръ, кого стрѣлой ужалишь,
Ты самъ замѣтишь то едва,
Здѣсь Коломбина, ахъ, одна лишь,
А арлекиновъ цѣлыхъ два.
Танцуйте, милые, играйте
Шутливый и любовный сонъ
И занавѣсъ не опускайте,
Пока не гаснетъ лампѣонъ.

1912.

11.

С. Судейкину.

ПРОГУЛКА (картина С. Судейкина).

Оставленъ мирный переулокъ
И диссертации тетрадь,
И въ часъ условленныхъ прогулокъ
Пришелъ сюда я вновь страдать.
На зовъ обманчивой улыбки
Я, какъ сомнамбула, бѣгу, —
И вижу: тамъ, гдѣ стали липки,
Она сидитъ ужъ на лугу.
Но ваше сердце, Лотта, Лотта,
Ко мнѣ жестоко, какъ всегда!
Я знаю, мой соперникъ — Отто,
Его счастливѣе звѣзда.
Зову собачку, даже песикъ
Моей душой не дорожить,
Поднявъ косматый, черный носикъ,
Глядитъ, глядитъ и не бѣжитъ.
Что, праздные, дивитесь, шельмы?
Для васъ луна, что фонари,
Но мы, безумные Ансельмы —
Фантасты и секретари!

1912.

12.

По рѣкѣ внизъ по Яику
 Плывуть казаки-молодчики,
 Не живые — мертвые,
 Плывуть, колыхаются,
 Ихъ ноздри повырваны,
 Ихъ уши обрублены,
 Бѣлое тѣло изранено,
 Алые кафтаны изодраны,
 Государевы-ль люди,
 Воровы-ли приспѣшники,
 За вольность и за старинку
 Животъ положившіе?
 На берегу стоитъ старица,
 Трупья клюкой притягиваетъ,
 Мила внучка выглядываетъ:
 «Гдѣ ты, милый внучекъ мой,
 Гдѣ ты, Степанушка?
 Не твои-ли кудри русые,
 Очи соколиные,
 Брови соболиные,
 Не твое ли тѣло бѣлое?»

13.

Надо мною вьются осы...
 Тяжки, тяжки стали косы...
 Голова тяжела!
 Обошла я всѣ откосы, —
 Вѣтерка не нашла...
 Не нашла.
 Распласталась въ небѣ птица,
 Лѣнь въ долину мнѣ спуститься,
 Гдѣ протекъ ручеекъ.
 Кто же дастъ воды напиться?
 Милый братъ, онъ далекъ...

Онъ далекъ.
Не придетъ, не сядетъ рядомъ.
Все гуляетъ онъ по грядамъ
И одна я, одна.
Солнце, встало ты надъ садомъ,
Душу пьешь всю до дна...
Всю до дна.
Солнце двинется къ закату...
Я пойду навстрѣчу къ брату
(Такъ знакомъ этотъ путь!)
Опершия на лопату,
Онъ прижметъ къ сердцу грудь,
Къ сердцу грудь.
Милый братецъ мой, когда же
Отдохну отъ скучной пряжи
Сновъ докучныхъ моихъ?
И на облачномъ на кряжѣ
Встанетъ тихъ нашъ женихъ,
Нашъ женихъ?

1912.

14.

Защищенъ нашъ вертоградъ надежно
Отъ горныхъ вѣтровъ и стужи,
Пройти къ нему невозможно:
Путь чѣмъ дальше, тѣмъ уже.
Корабельщикамъ сада незамѣтно:
Никакой рѣки не протекаетъ.
И съ горы искать его тщетно:
Свѣтлый облакъ его скрываетъ.
Благовоненъ розоватый иней
На яблоняхъ, миндаляхъ и вишняхъ
И клубить прямо въ куполъ синій
Сладкій духъ, словно «Слава въ вышнихъ»,
А лѣтомъ заалѣютъ щеки
Нѣжныхъ плодовъ, райскихъ:
Наливныхъ, золотыхъ, китайскихъ,
Какъ дары царицы далекой.

Зимы тамъ, какъ видно, не бываетъ —
Все весна да сладкое лѣто.
И осенней незамѣтно примѣты,
Свѣтлый облакъ нашъ садъ скрываетъ.

1912.

15.

М. Замятиной.

МАРІЯ ЕГИПЕТСКАЯ.

Вѣдь Марію Египтянку
Грѣшной жизни пустота
Прикоснуться не пустила
Животворнаго креста.
А когда пошла въ пустыню,
Блудъ забывъ, душой проста,
Пѣсни вольныя звучали
Славой новою Христа.
Отыскалъ ее Зосима,
Раздѣливъ свою милоть,
Чтобъ покрыла предъ кончиной
Уготованную плоть.
Не грѣхи, а Спаса сила,
Тайной жизни чистота
Пусть содѣлаетъ Вамъ легкой
Ношу вольнаго креста.
А забота жизни тѣсной,
Незамѣтна и проста,
Вамъ зачтется, какъ молитва,
У воскресшаго Христа,
И отыщеть не Зосима,
Раздѣливъ свою милоть:
Самъ Христосъ, придя, прикроетъ
Уготованную плоть.

1 Апрѣля 1912 г.

II.

БИСЕРНЫЕ КОШЕЛЬКИ.

1912 (Сентябрь).

1.

Ложится снѣгъ... Печаль во всей природѣ.
Въ моемъ же сердцѣ при такой погодѣ,
Иль въ пору жаркихъ и цвѣтущихъ лѣтъ
Печаль все о тебѣ, о мой корнетъ,
Чью прядь волосъ храню въ своемъ комодѣ.

Такъ тягостно и грустно при народѣ,
Когда пріѣдетъ скучный нашъ сосѣдъ!
Теперь надолго къ намъ дороги нѣтъ!
Ложится снѣгъ.

Ни смѣха, ни прогулокъ нѣтъ въ заводѣ,
Одна нижу я бисеръ на свободѣ:
Малиновый, зеленый, желтый цвѣтъ, —
Твои цвѣта. Увидишь ли привѣтъ?
Быть можетъ, вѣдь и тамъ, въ твоемъ походѣ
Ложится снѣгъ!

2.

Я видѣла, какъ въ круглой залѣ
Гуляли вы, рука съ рукой;
Я слышала, что вы шептали,
Когда, конечно, вы не ждали,
Что мной нарушенъ вашъ покой.

И въ проходной, на геридонѣ
Замѣтила я тамъ письмо!
Когда вы были на балконѣ,

Луна взошла на небосклонѣ
И озарила васъ въ трюмо.

Мнѣ все понятно, все понятно,
Себя надеждой я не льщу!..
Мои упреки вамъ не внятны?
Я набѣлю румянца пятна
И вашъ подарокъ возвращу.

О кошелекъ, тебя цѣлую;
Вѣдь подарилъ тебя мнѣ онъ!
Тобой ему и отомщу я:
Тебя снесу я въ проходную
На тотъ же, тотъ же геридонъ!

3.

Раздался трижды звонкій звукъ, —
Открыла нянюшка сундукъ.
На крышкѣ изъ журнала дама,
Гора священная Аѳонъ,
Табачной фабрики реклама
И скачущій Багратіонъ.
И нянька, наклонивъ чепецъ,
Съ часокъ порылась. Наконецъ
Изъ пыльной рухляди и ѣдкой,
Гдѣ нафталинъ слоями легъ,
Достала съ розовою мѣткой
Зеленый, длинный кошелекъ.
Подслѣповатый щуря глазъ,
Такъ нянька начала рассказъ:
«Смотри, какъ старый бисеръ ярокъ,
Не то, что люди, милый мой!
То вашей матушки подарокъ.
Господь спаси и упокой.
Ждала дружка издалека,
Да не дошла кошелька.

Погибъ дружокъ въ дорогѣ дальней,
А тутъ пріѣхалъ твой отецъ,
Хоть стала матушка печальнѣй,
Но снарядилась подъ вѣнецъ.
Скучала или нѣтъ она,
Но вѣрная была жена:
Благочестива, сердобольна,
Кротка, прямая дѣтямъ мать,
Всегда казалася довольна,
Гостей умѣла принимать.
Бывало, на нее глядимъ, —
Ну, прямо-Божій Херувимъ!
Волоски свѣтлые, волною,
Бѣла, — такъ краше въ гробъ кладутъ.
Сидитъ вечернею порою
Да на далекій смотритъ прудъ.
Супругъ же, отставной гусаръ,
Былъ для нея, пожалуй, старъ.
Бывало, знатно волочился
И былъ изрядный ловеласъ,
Да и потомъ, хоть и женился,
Не забывалъ онъ грѣшныхъ насъ.
Притомъ, покойникъ сильно пилъ
И матушку, навѣрно, билъ.
Завидитъ на полѣ гдѣ юбки,
И ну, какъ жеребенокъ, ржать.
А что же дѣлать ей, голубкѣ, —
Молиться, да дѣтей рожать?
Блѣднѣй, худѣе, что ни день,
Но принесла васъ цѣлыхъ семь.
Въ Николу, какъ тебя крестили,
Совсѣмъ она въ постель слегла
И, какъ малиной ни поили,
Черезъ недѣлю померла.
Какъ гробъ былъ крышкою закрытъ,
Отецъ твой зарыдалъ навзрыдъ;
Я-жъ, прибирая для порядка,
Нашла въ комодѣ медальонъ:
Волосъ тамъ свѣтло-русыхъ прядка,
И на портретѣ прежній, «онъ».

Съ тѣхъ поръ осиротѣлъ нашъ домъ...»
Отерла тутъ глаза платкомъ
И крышкою сундукъ закрыла.
«Ахъ, няня, мать была святой,
Когда и вправду все такъ было!
Какъ чудень твой рассказъ простой!»
— Святой? Святой то гдѣ же быть,
Но барыню грѣшно забыть.
Тогда вѣдь жили всѣ особо:
Умѣли сохнуть по косѣ,
И вѣрность сохранять до гроба, —
И матушка была, какъ всѣ.

III.

ПЕСЕНЬКИ.

1912 — 1913.

1.

Въ легкой лѣни
Усыпленья
Всѣ ступени
Наслажденья
Хороши!

Не гадаешь,
Замирая,
Гдѣ узнаешь
Радость рая
Въ той тиши.

Намъ не надо
Совершенья,
Намъ отрада —
Приближенья...
Сумракъ густъ. —

Безъ заката
Зори счастья.
Тихо, свято
То причастье
Милыхъ усть.

1912.

2.

Солнце — лицо твое, руки бѣлы,
Жалятъ уста твои жарче пчелы.

Кудри шафрановы, очи — смѣлы,
Взглядъ ихъ быстрѣй и острѣе стрѣлы.

Щеки что персикъ — нѣжны и спѣлы,
Бедра что кипѣнь, морскія валы.

Гдѣ же найти мнѣ достойной хвалы?
Скудныя пѣсни бѣдны и малы.

1912.

3.

Улыбка, вздохъ ли?
Играютъ трубы...
Мои же губы
Всѣ пересохли...
Прозрачная пленка,
Ты ее цѣловаль...
Ее сорвалъ
Мой ноготь тонкій.
Поцѣлуй вчерашній,
Лети, лети!
Въ моей груди
Ты раной всегдашней.
Зачѣмъ пересохли
За ночь губы?

Играють трубы...
Улыбка, вздохъ ли!..

1912.

4.

Сердце — зеркально,
Не правда ль, скажи?
Идемъ безпечально
До сладкой межи.
Мы сядемъ вдвоемъ,
Сердце къ сердцу прижмемъ.
Зеркало вѣрно,
Не правда ль, скажи?
Не лицемѣрно,
Безъ всякой лжи.

Что же покажетъ,
Чьи тамъ черты?
Прелестъ расскажетъ
Чьей красоты?
Мы сядемъ вдвоемъ,
Сердце къ сердцу прижмемъ.
Сердце все ближе. —
Чьи тамъ черты?
Въ обоихъ твои же.
Все ты, да ты.

1912.

5.

Сердца гибель не близка ли?
Для меня это не тайна.
Мы Эроса не искали,
Мы нашли его случайно,
Розы алыя сорвавъ.

Крылья нѣжныя расправиль,
И хохочеть, и щекочеть,
И безъ цѣли, и безъ правилъ
Сердце бьется, сердце хочетъ,
Муки сладкія узнавъ.

То Эроть иль братъ Эрота,
Что поетъ такъ нѣжно-сладко?
Ахъ, напрасная забота,
Ужъ разгадана загадка
Тѣмъ, кто пьянъ, любовь узнавъ.

1911.

6.

Звѣзды сверху, звѣзды снизу,
И въ пруду, и въ небесахъ.
Я-жъ цѣлую сладко Лизу,
Я запутался въ косахъ.

Въ старину пронзаль маркизу
Позолоченный твой лукъ.
Я-жъ цѣлую сладко Лизу,
Опустясь на мягкій лугъ.

Кто заткаль чудесно ризу
Черно-синюю небесъ?
Я-жъ цѣлую сладко Лизу,
Нѣтъ мнѣ дѣла до чудесъ!..

7.

Если бъ были вы Зюлейкой,
Заключенною въ сераль,
Я бы вашей канарейкой
Пѣль любви своей печаль.
И печалью безпечальной

Пѣль сегодня ли, вчера ль,
Что не теремъ погребальный,
А Цитера вашъ сераль.
Ахъ, зрочки такъ близко, близко, —
Все клубится сладко вдаль:
Канарейка, одалиска...
Только двое — весь сераль.
Цѣлый день пою я въ клѣткѣ,
Но свободы мнѣ не жаль,
Коль сны не нѣжно-рѣдки,
Коль слова нерѣдко мѣтки, —
Ваше сердце — мой сераль.

8.

УТѢШЕНІЕ ПАСТУШКАМЪ.

Мнѣ матушка твердила:
«Бѣги любви злой,
Ея жестока сила, —
Уколетъ не иглой.
Покоя ты лишишься,
Забудешь отчій домъ,
Коль на любовь рѣшишься
Съ пригожимъ пастушкомъ».
Я матушкѣ послушна,
Приму ея совѣтъ.
Но можно ль равнодушно
Прожить въ шестнадцать лѣтъ?
Пускай ругаютъ: «Дура!
Тебѣ добра хотимъ!»
Но я, узнавъ Амура,
Ужъ не разстанусь съ нимъ.
А я жила на волѣ,
Запретъ мнѣ не знакомъ,
Но встрѣтилась я въ полѣ
Съ пригожимъ пастушкомъ,
Мы сѣли съ нимъ бокъ-о-бокъ,

Съ рукой сплелась рука,
Но онъ былъ очень робокъ
И я была робка.
Прожить-ли равнодушно,
Когда шестнадцать лѣтъ?
Любви своей послушна,
Я не сказала: нѣтъ!
Пускай сперва робѣетъ,
Настанетъ скоро тьма, —
Чего пастухъ не смѣетъ,
Посмѣю я сама.
Любовь зови, любовь гони, —
Она придетъ сама,
Какъ прилетаютъ вешни дни,
Когда уйдетъ зима.
Пускай любилъ ты прошлый годъ,
Полюбишь въ новый вновь.
Она придетъ, она придетъ,
Крылатая любовь.
Пускай любви еще не зналъ,
Полюбишь въ Новый годъ.
Любовь ты звалъ, любовь ты гналъ?
Она сама придетъ.

ЧАСТЬ III-ья.

НОВЫЙ РОЛЛА.

1908 — 1910.

Неоконченный романъ въ отрывкахъ.

I ГЛАВА.

В Е Н Е Ц І Я.

1.

Ты помнишь комнату и свѣчи,
Открытое окно,
И пѣсню на водѣ далече,
И свѣтлое вино?
Ты помнишь первой встрѣчи трепеть,
Пожатье робкихъ рукъ,
Неловкихъ словъ несмѣлый лепетъ
И взглядъ безмолвныхъ мукъ?
Навѣсъ мостовъ въ дали каналовъ,
Желтѣющій заливъ,
Зарю туманнѣе опаловъ
И строгихъ губъ извивъ?
Вечерній вѣтеръ, вѣя мѣрно,
Змѣилъ зеркальность водъ,
И Вesperъ выплываетъ вѣрно
На влажный небосводъ.

2.

О поцѣлуй, божественный подарокъ,
Кто изобрѣлъ тебя, великимъ былъ.
Будь холоденъ, жестокъ, печаленъ, жарокъ, —
Любви не зналъ, кто про тебя забылъ!
Но слаще всѣхъ минутъ въ сей жизни краткой
Твой поцѣлуй, похищенный украдкой.

Кѣмъ ты была: Дездемоной, Розиною,
Когда ты въ залъ блистающій вошла?
А я стоялъ за мраморной корзиной,
Не смѣя глазъ свести съ того чела.
Казалось, музыка съ устъ сладкихъ не слетѣла!
Улыбкой, поступью ты молча пѣла.

Была-ль та пѣсня о печальной ивѣ,
Туманной Англии глухой ручей,
Иль ты письмо писала Альмавивѣ,
Отъ опекунскихъ скрытая очей?
Какія небеса ты отражала?
Но въ сердце мнѣ любви вонзилось жало.

Все вдругъ померкло, люстръ блестящихъ свѣчи,
Дымясь, угасли предъ твоимъ лицомъ,
Красавицъ гордыхъ мраморныя плечи
Затменнымъ отодвинулись кольцомъ.
И вся толпа, вздыхая, замолчала,
Моей любви привѣтствуя начало.

3.

По струнамъ луннаго тумана
Любви напѣвъ летитъ.
Опять, опять открылась рана,
Душа горитъ.

Въ сіяньи мутномъ томно таетъ
Призывно-нѣжный звукъ.
Нѣтъ, тотъ не любитъ, кто не знаетъ
Ревнивыхъ мукъ!

Колдуетъ пѣсня крѣпкимъ кругомъ,
Моей любви полна.
Ревную я тебя къ подругамъ,
Будь ты одна.

Душа моя полна тревоги
И рвется пополамъ.
Ревную къ камнямъ на дорогѣ
И къ зеркаламъ.

Ревную къ вѣтру, снамъ, къ прохожимъ
И къ душевой темнотѣ,
Ко вздохамъ, на мои похожимъ,
Къ самой тебѣ.

4.

Соборъ былъ темень и печалень
При свѣтѣ стеколъ росписныхъ,
И съ шепотомъ исповѣдалень
Мѣшался шумъ шаговъ глухихъ.
Ты опустилась на колѣни,
Предъ алтаремъ простерлась ницъ.
О, какъ забыть мнѣ эти тѣни
Полупущенныхъ рѣсницъ!
Незримъ тобой, я удалился,
На площадь выйдя, какъ слѣпой,
А съ хоровъ сладостно струился
Напѣвъ забытый и родной.
Скорѣй заставьте окна ставней,
Скорѣй спустите жалюзи!
О другъ давнишній и недавній,
Разгуль, мнѣ въ сердце ножъ вонзи!

5.

Носъ твой вздернуть, губы свѣжи,
О, цѣлуй меня порѣже,
Крѣпче, крѣпче прижимай,
Обнимай, ахъ, обнимай!

А та, любимая...

Пусть твои помяты груди,
Что для насъ, что скажутъ люди!?
Словъ пустыхъ не прибирай,
Что намъ небо, что намъ рай!

А та, любимая...

Вижу, знаю эти пятна...
Смерть несешь мнѣ? презанятно!
Скинь скорѣй смѣшной нарядъ,
Лей мнѣ въ жилы, лей твой ядъ!

А та, любимая...

6.

Лишь прощаясь, ты меня поцѣловала
И сказала мнѣ: «теперь прощай навѣкъ!»
О, подъ вѣкъ твоихъ надежное забрало
Ни одинъ не могъ проникнуть человѣкъ.
Свѣтель образъ твой, но что за нимъ таится?
Рай намъ снится за небесной синевою.
Если твой я весь, простится, о простится,
Что когда-то я не зналъ, что весь я твой.
Вотъ душа моя ужалена загадкой,
И не знаю я, любимъ иль не любимъ,
Но однимъ копьемъ, одной стрѣлою сладкой
Мы, пронзенные, любви принадлежимъ.
Лишь одно узналъ, что ты поцѣловала
И сказала мнѣ: «теперь прощай навѣкъ».
Но подъ вѣкъ твоихъ надежное забрало
Ни одинъ не могъ проникнуть человѣкъ.

7.

ПИСЬМО.

Я тронута письмомъ, что вы прислали,
Печали голосъ такъ понятенъ въ немъ,
Огнемъ любви тѣ строки трепетали.
О, если бъ ваша ночь вновь стала днемъ!
Вы пишете, что снова власть разгула,
Какъ дуло пистолета, мѣтитъ въ васъ,
Чтобъ въ часъ ужасный къ вамъ я протянула
Улыбку кроткихъ и прохладныхъ глазъ.
Вы обманулись званіемъ доступнымъ,
Преступнымъ было бы отвѣтить «да».
Когда объаты вы тѣмъ ядомъ трупнымъ,
Молюсь за васъ сильнѣе, чѣмъ всегда.
Я скрыть могу, но вотъ я не скрываю:
Страдаю не любя, но не люблю,
Внемлю мольбамъ, но ихъ не понимаю,
Пусть судить Богъ, когда я васъ гублю.
Вамъ недостаточно того, я вижу
(Обижу-ль васъ, я не могу рѣшить).
Просить не стану, тѣмъ себя обижу,
Но въ вашихъ мысляхъ я-бъ хотѣла жить.
Въ моей пустынѣ было бы отрадой
Оградой вамъ служить на зломъ пути.
Найти звѣзду такъ сладостно, такъ надо,
Что я не смѣю вамъ сказать: «прости».

8.

Въ ранній утра часъ покидалъ я землю,
Гдѣ любовь моя не нашла награды,
Шуму волнъ морскихъ равнодушно внемлю,
Парусъ направлень!

Твой послѣдній взглядъ, онъ сильнѣй ограды,
Твой послѣдній взглядъ, онъ прочнѣй кольчуги,

Пусть встаютъ теперь на пути преграды,
Пусть я отравленъ!

Вотъ иду отъ васъ, дорогіе други,
Вашихъ игръ, забавъ соучастникъ давній;
Вдаль влекутъ меня неудержимо дуги
Радугъ обѣтныхъ.

Знаю, видѣлъ я, что за плотной ставней
Взоръ ея слѣдилъ, затуманенъ дремой,
Но тоска моя, ахъ не обрѣла въ ней
Взоровъ отвѣтныхъ.

О прощай на вѣкъ! кораблемъ влекомый,
Уѣзжаю я, бѣглеца печальнѣй,
Пѣснѣ я внемлю, такъ давно знакомой,
Милое море!

Что я встрѣчу тамъ, за лазурью дальней:
Гробъ-ли я найду, иль ключи отъ рая?
Что мнѣ дастъ судьба своей наковальной,
Счастье иль горе?

II ГЛАВА.

К О Р Ф У.

1.

Взорамъ пиръ — привольный островъ въ морѣ.
О лѣса, зеленые лѣса!
Моря гладь съ лазурью неба въ спорѣ,
Что синѣй: волна иль небеса?
Что бѣлѣй: нашъ парусъ, или чайка?
Что алѣй, чѣмъ алыхъ маковъ плащъ?
Сколько звѣздъ на небѣ, сосчитай-ка, —

Столько струй родникъ стремитъ изъ чащъ.
По горамъ камней ряды сѣрѣютъ,
По камнямъ сверкаетъ свѣтлый ключъ.
Въ облакахъ зари румяна рдѣютъ,
Изъ-за тучъ широкъ прощальный лучъ.
О Корфу, цвѣтущая пустыня,
Я схожу на твой счастливый берегъ!
Вечеръ тихъ, какъ Божья благостыня,
Кротокъ духъ, исполненъ тихихъ нѣгъ.

2.

О вольные сыны безопасности суровой,
Насколько вы милѣй, чѣмъ дѣти городовъ!
Дремотный духъ навѣй, дубравы кровъ дубовый,
Голконду бы отдать за горы я готовъ!
Горды вы и просты, но нѣтъ средь васъ обмана,
Улыбка вашихъ женъ открыта и чиста.
Кто злобой пораженъ, кого сочится рана,
Пусть радостно спѣшитъ въ священныя мѣста.
О вольные орлы, друзья моей тревоги,
Парите выше скалъ и выше облаковъ,
Ахъ долго я искалъ заоблачной дороги,
Куда бы могъ бѣжать темницы и оковъ.
Счастливые края, счастливыя селенья,
Цѣлительный бальзамъ мнѣ въ сердце пролился,
Я горнымъ высотамъ предамъ свои волненья,
Я вольной простотѣ съ весельемъ предался.

3.

Легче птицы, легче стрѣль
Горный танецъ, быстръ и смѣль,
Конченъ кругъ, и вновь сначала
Тучкой вьется покрывало.
Гнися внизъ, какъ нарциссъ,

О Фотисъ, Фотисъ, Фотисъ!
Слышишь скрипокъ жгучій звукъ?
Видишь кольца смуглыхъ рукъ?
Поспѣшай, приспѣло время
Бросить въ пляску злое бремя!
Не стройнѣй кипарисъ,
О Фотисъ, Фотисъ, Фотисъ!
Завѣвай и развѣвай
Хороводъ нашъ, милый Май.
Не хочу я знать, не знаю,
Гдѣ конецъ настанетъ Маю.
Локонъ твой какъ повисъ,
О Фотисъ, Фотисъ, Фотисъ!
Бѣлой павой дѣва ступитъ,
Кто ее казною купитъ?
Пролетаетъ, улетаетъ,
Точно тучка въ небѣ таетъ.
Бѣлый рисъ — крылья ризъ,
О Фотисъ, Фотисъ, Фотисъ!

4.

О Фотисъ, скажи, какою силой
Ты мой взоръ усталый привлекла
И землей живою нарекла,
Что считалъ я мертвою могилой?
Кто тебя въ унылости немилрой
Мнѣ послалъ, весенняго посла?

Какъ цвѣтокъ цвѣтетъ на днѣ долины,
Ты росла въ кругу своихъ подругъ,
И далекъ любовный былъ недугъ,
Какъ весной ручья далеки льдины.
Ахъ, не знать тебѣ бы той кручины
И не звать къ себѣ напрасныхъ мукъ!

Ты смогла невинностью стыдливой
Побѣдить блистательныхъ царицъ.
О, стрѣла опущенныхъ рѣсницъ,

Ты сильнѣй, чѣмъ взглядъ любви счастливой.
Такъ сверкнетъ средь ночи молчаливой
Бѣлый блескъ трепещущихъ зарницъ.

Но, кропя меня водой живою,
Ты сама, Фотисъ, уже не та:
Ты — чиста, какъ прежде, и свята,
Но навѣкъ ужъ лишена покою, —
И теперь я знаю, хоть и скрою,
Что во снѣ твердятъ твои уста.

5.

Сестры, о сестры! судьба злая,
Спрячусь куда я твоихъ стрѣлъ?
Горя не чая, къ нему шла я,
Срокъ жгучій межъ тѣмъ зрѣлъ.
Я потеряла покой ночи,
Я потеряла покой дней,
Дома скриваться ужъ нѣтъ мочи,
Страстью гонимой, судьбы злѣй.
Выйду на площадь, скажу сестрамъ
(Пусть подивятся, поднявъ бровь!)
Какъ пронзена я мечомъ острымъ,
Яда лютѣе моя кровь!
Милое имя, языкъ странный,
Лепетъ невнятный — твоя рѣчь.
Голосъ твой звонкій — призывъ бранный,
Свѣтлые взоры — любви мечь!
О, я сгораю, гдѣ тѣнь рощи?
Гдѣ ты, прозрачный лѣсной ключъ?
Пѣніе птицъ мнѣ бичей жестче,
Какъ безпощаденъ дневной лучъ!

6.

Не ты ли приходила
 Подъ тѣнь чинаръ?
 Всѣхъ силъ сильнѣе сила
 Полночныхъ чаръ.
 Травой росистой скрыты
 Твои слѣды,
 Блѣдны твои ланиты,
 Боясь бѣды.
 Стоитъ мой конь ретивый,
 Не бьетъ, не ржетъ,
 Струю стремить лѣнивый
 Потокъ впередъ.
 Никто намъ не помѣха,
 Отбрось твой страхъ.
 Ни шепота, ни смѣха
 Въ густыхъ кустахъ...
 Уста мои застыли,
 Застыла кровь.
 Чу, шорохъ, ахъ не ты ли,
 Моя любовь?..

7.

Она говорила: «любима другимъ,
 Его не люблю я, — давай бѣжимъ.
 Мнѣ жалко покинуть родные поля,
 Но все мнѣ замѣнить любовь твоя».
 Она говорила: «ахъ, въ домѣ твоёмъ
 Мы новое счастье, мой другъ, найдемъ.
 Насъ тамъ не настигнетъ ревнивца рука,
 Насъ тамъ не догонитъ печаль-тоска».
 Она говорила: «въ пирушкѣ друзей
 Ты хвастаться можешь красою моей.
 А если разлюбишь и лучше найдешь,
 То горю поможетъ мой острый ножъ».
 Она говорила: «въ закрытую дверь
 Другихъ не пущу я, повѣрь, повѣрь.

Могу я быть вѣрной, могу умереть,
Но я не умѣю разставить сѣть». —
Она говорила: «не вижу другихъ,
Мнѣ солнце не свѣтитъ безъ глазъ твоихъ.
Безъ глазъ твоихъ, милый, мнѣ нѣту тепла,
Навѣки съ тобою судьба свела».

8.

Опять «прощай», опять иду,
Когда-жъ покой и миръ найду?
Но не клоню я взоровъ внизъ, —
Со мной она, со мной Фотисъ.
Ну, кормщикъ, снасти подбирай,
Прощай, Корфу, веселый рай!
Шуми, волна, домой, домой!
Мнѣ пѣсню прежнюю запой!
И всплески весель говорятъ:
«Церквей опять увидишь рядъ,
Старинный домъ, большой каналъ,
Чего нигдѣ не забывалъ».
Отчизна та-жъ, но я не тотъ,
Ужъ не боюсь пустыхъ невзгодъ.
Я снова молодъ, снова смѣль
И не страшусь коварныхъ стрѣлъ,
Любовь, любовь меня спасла
И цѣлымъ къ счастью привела.

III ГЛАВА.

О П Я Т Ь В Е Н Е Ц И Я .

1.

Лишь здѣсь душой могу согрѣться я,
Здѣсь пристань жизни кочевой:

Привѣтствую тебя, Венеція,
Опять я твой, надолго твой!
Забуть услады края жаркаго
Душѣ признательной легко-ль?
Но ты, о колокольня Маркова,
Залѣчишь скоро злую боль!
Пройдутъ, какъ тѣни, дни страданія,
Взлетитъ, какъ соколъ, новый день!
Цѣлую васъ, родныя зданія,
Просторъ лагунъ, каналовъ тѣнь.
Вотъ домъ и гербъ мой: надъ лужайкою
Вознесся темный кипарисъ, —
Сегодня полною хозяйкою
Войдетъ въ тотъ домъ моя Фотисъ.
Привыкнетъ робою тяжелою
Смирять походки вольный бѣгъ.
Влекумы траурной гондолою,
Забудемъ ночью дальній берегъ.
Какъ воздухъ полнъ морскими травами!
Луна взошла на свой зенитъ,
А даль старинными октавами,
Что Тассо пѣлъ еще, звенитъ.
Когда ж, отъ ласкъ усталъ, я падаю
И сонъ махнетъ тебѣ крыломъ,
Зачѣмъ будить насъ серенадою,
Зачѣмъ намъ помнить о быломъ?
Здѣсь каждый день намъ будетъ праздникомъ,
Печаль отгонимъ рядомъ шлюзъ,
Съ амуромъ, радостнымъ проказникомъ,
Тройной мы заключимъ союзъ!

2.

Зачѣмъ въ тотъ вечеръ роковой
Вдвоемъ съ тобой мы не остались?
Зачѣмъ съ покоемъ мы разстались,
Какой несчастною судьбой?
Зачѣмъ «Севильскій брадобрѣй»
На пестрой значился афишѣ,

А голосъ неся выше, выше
Подъ вопли буйныхъ галлерей?
Зачѣмъ спокойна и одна
Она явилась рядомъ въ ложѣ,
И что шепнуло мнѣ, о Боже:
Взгляни налѣво, вотъ она!
Какъ прежде, смотрятъ очи внизъ,
Бросая сладостныя тѣни,
Но нѣтъ: глаза мои на сценѣ,
А сердце тамъ, гдѣ ты, Фотисъ!
Принесъ циркульникъ фонари,
И ловкій бракъ уже улаженъ,
Сосѣдки видъ — печально важенъ.
Будь вѣренъ, глазъ мой, не смотри!
Зачѣмъ толпы живой потокъ
Опять намъ бросилъ случай встрѣчи?
Она на мраморныя плечи
Небрежно кинула платокъ.
Движенья тѣ же и новы.
— Фотисъ! Фотисъ, я твой навѣки! —
Тяжелыя поднявши вѣки,
Другая шепчетъ: это — Вы?

3.

Опять, какъ встарь, открыта дверь балконная —
Опять, какъ встарь...
Вино желто въ бокалахъ, что янтарь,
А ночь струитъ мнѣ волны благовонныя,
Опять какъ встарь.

Во мглѣ ночной медлительно приблизилась —
Во мглѣ ночной, —
Гондолы тѣнь съ расшитой пеленой;
Грифона пасть у носа смутно видѣлась
Во мглѣ ночной. —

Она сошла, одѣта въ платье черное,
Она сошла

Въ условный домъ, откуда вымпела
Судовъ видны; съ рѣшимостью упорною
Она сошла.

Я долго ждалъ за темною рѣшеткою,
Я долго ждалъ,
Смотря безъ думъ на дремлющій каналъ,
Встревоженный одною вашей лодкою,
Я долго ждалъ.

Но вотъ шаги... дверь тихо растворилася,
Но вотъ шаги...
Любовь, любовь! еще разъ помоги,
Чтобъ сердце такъ въ груди моей не билося!

4.

Цѣпь былую нынѣ рву я,
Не порвалъ ли ужъ вчера?
И, свободу торжествуя,
Лишь съ Фотисъ одной пируя,
Проведу всѣ вечера!
Я-ль, какъ мальчикъ, ждалъ свиданья?
Но любовь меня спасла.
Та, которой робко данъ я
Прежде несъ, сама признанья
Запоздалыя несла.
Я не дрогнулъ, я не сдался,
Пусть стучала кровь въ вискахъ!
Я свободенъ, не остался
Въ вашихъ сладостныхъ тискахъ.
Какъ мертвецъ изъ смертной сѣни,
Какъ больной возставъ съ одра,
Я бѣгу обнять колѣни,
Вылить слезы, вылить пени
На груди, что такъ мудра.
Не вздохнула, не спросила:
«Что съ тобой?» моя Фотисъ,
Но цѣлительная сила

Такъ любовно пригласила:
«Не клонись главою внизъ».

5.

Не зная васъ, вамъ шлю письмо.
Меня какъ женщина поймете,
Увидѣвши, что въ каждой іотѣ
Сквозитъ любви моей клеймо.
Быть можетъ, я неосторожна,
Свиданье было бы вѣрнѣй,
Но, лишь дойду я до дверей
До вашихъ, — мысли: «невозможно».
Тотъ мало честью дорожить,
Кто страстью поздней пламенѣтъ,
Бумага, къ счастью, не краснѣтъ,
Пускай рука моя дрожить.
Зачѣмъ вамъ повѣсти унылой
Докучное начало знать?
Дана вамъ свыше благодать
Не сдѣлать жизнь мою могилой.
Робѣю, медлю, какъ дитя,
Прервать письмо уже готова,
Но нѣтъ, мучительное слово
Скажу, волненье укротя;
Сошлись любовныя дороги
Моя и ваша. Разный путь
Заставилъ насъ въ глаза взглянуть,
Прочестъ въ другой свои тревоги,
Но ваша юная любовь
Съ моей равняться врядъ ли можетъ,
Ничто мнѣ въ мукѣ не поможетъ,
Лишь въ смертный часъ остынетъ кровь.
Другое счастье въ долгой жизни
Еще вамъ будетъ суждено,
И знаю — встрѣтится оно
Не здѣсь, а въ радостной отчизнѣ.
Какъ прежде позабылъ меня,
Такъ васъ онъ скоро позабудетъ,

И лепеть дѣтскій не разбудить
Уже потухшаго огня.
А я готова быть рабыней,
Всегда лежать у милыхъ ногъ,
И взглядъ одинъ взрастить бы могъ
Сады надъ бывшею пустыней!
Безумна просьба и смѣшна,
Для васъ, быть можетъ, непонятна.
Всегда любовь другимъ не внятна, —
Любви лишь явственна она.
Но если признаки недуга
Знакомы вамъ и не чужды,
Отбросьте мелочность вражды,
Коль вправду любите вы друга.
Не бойтесь слезъ, не бойтесь словъ —
Отвѣтите на мое призванье.
Подъ вечеръ, позже, въ семь часовъ,
Придите въ среду на свиданье.
Мы обѣ вмѣстѣ тамъ рѣшимъ,
Въ чемъ намъ искать теперь спасенья,
И двѣ любви соединимъ
Въ одну любовь, въ одно хотѣнье.

6.

Подъ пологомъ ли слишкомъ жарко,
Ночникъ ли пущенъ слишкомъ ярко,
Иль шумъ и шелесты мышей
Твоихъ коснулись ушей,
Что ты не спишь, раскинувъ руки,
И слушаешь глухіе звуки?

«Фотись, ты спишь?» — Я сплю, молчи, —
И снова замерло въ ночи.
«Ты плачешь?» — Нѣтъ, покойся, милый,
Расторгнуть насъ одной могилой! —
Наутро встала такъ блѣдна,
Какъ будто годъ была больна.

Весь день былъ вѣтренъ, сухъ и ясенъ,
Но лишь закатъ зардѣлся, красенъ,
Фотисъ сказала: «я пойду
На часъ». Предчувствуя бѣду,
Ее просилъ побыть я дома,
Покуда не пройдетъ истома.

«Не бойся, другъ, не будь враждебенъ.
Клялась я отслужить молебень.
Одна доѣду безъ труда
И тотчасъ возвращусь сюда.
Ты жди меня, не мучься скукой, —
Молитва будетъ намъ порукой».

Я скрылъ тогда невольный вздохъ.
Вотъ шумъ шаговъ вдали заглохъ,
На темномъ и глухомъ каналѣ
Гондолу тихо отвязали,
Но ужъ давно возшла луна,
Когда вернулася она.

7.

Что съ Фотисъ любезною случилось?
Отчего ея покой утраченъ?
Отчего такъ скученъ и такъ мраченъ
Темный взоръ и что въ немъ затаилось?
Онѣмѣла арфа рокотунья
И, печальная, стоитъ у стѣнки,
А сама Фотисъ, обнявъ колѣнки,
Все сидитъ, не бѣгаетъ, летунья.
Или холодно моей голубкѣ
Отъ приморскаго дождя-тумана,
Что не встанетъ съ мягкаго дивана,
Что не скинетъ съ плечъ тяжелой шубки?
Или островъ вспомнился родимый,
Хороводъ у берега дѣвичій,

Иль тяжель чужой земли обычай,
О семьѣ-ль взгрустнулося родимой?
Подойдешь — какъ прежде, улыбнется;
Голосокъ — какъ прежде, будто флейта.
Скажешь: «милая, хотъ пожалѣй-то!» —
Промолчавъ, къ подушкѣ отвернется.

8.

Сердце бьется, плѣнный стрепеть, —
Пенить волны бѣлый слѣдъ,
Блѣдныхъ звѣздъ невѣрный свѣтъ
Отмель плоскую отмѣтитъ.
Смолкнулъ долгій разговоръ,
Лишь плеснетъ послѣдній лепеть,
Да замедлитъ нѣжный взоръ.

Снова скажетъ, слишкомъ зная,
Что отвѣчу ей: «мой другъ,
Что моихъ бояться мукъ?
Любить больше та, другая!
Всѣхъ она прекраснѣй женъ,
Но, любя иль умирая,
Я приму любви законъ».

Стихла рѣчь, ей отвѣчали
Взглядъ, объятье, поцѣлуй.
«Видишь, муть молочныхъ струй
Розы солнца пронизали?
Полно, сердце, слезъ не лей!
Снова реютъ въ ясной дали
Флаги вольныхъ кораблей!»

9.

Не вернулись ли снова золотые дни,
Не весной ли пахнуло въ осенній день?
Мы опять засвѣтили любви огни
И далеко бѣжала былая тѣнь.

Пролетѣло ненастье, лазурь — для насъ,
Только въ мірѣ и дышимъ, что я, да ты,
Будто завтра наступитъ послѣдній часъ,
Будто завтра увянутъ въ саду цвѣты.
Каждый день — лучше утра, а вечеръ — дня,
Ночи — счастья залого — того милѣй,
Какъ двѣ арфы, согласной струной звеня,
Наше сердце трепещетъ, и звукъ полнѣй.
Крѣпче къ сердцу прижмися, сильнѣй, вотъ такъ!
Не расторгнутся губы, пусть смерть придетъ!
Разорвать цѣпь объятій не властенъ врагъ,
Вмѣстѣ склонимся долу въ святой чередъ.

10.

Любовь, какою жалкой и ничтожной
Дѣвчонкой вижу я себя! Возможной
Казалась мнѣ дорога и не ложной,
Но я слаба.
Страшна ли я, горбата и ряба,
Иль рѣчь моя несвязна и груба, —
Что глупая, привозная раба
Меня милѣе?
Склонится ли негнущаяся шея?
И съ плаксою ли расплачусь я, слабѣя?
Нѣтъ, сердце, нѣтъ, не бойся! не вотще я
Отчизны дочь.
Венеція, ты мнѣ должна помочь!
Сомнѣнья, робость, состраданье, прочь!
Зову любовь, зову глухую ночь,
Моихъ служанокъ.
Не празднуйте побѣды спозаранокъ;
Я вспомню доблесть древнихъ венеціанокъ
И выберу въ ларцѣ межъ тайныхъ стклянокъ
Одну для васъ.
И тотъ, послѣдній, долгожданный часъ
Любви моей да будетъ воскресеньемъ!
И раньше, чѣмъ закатъ вдали погасъ,
Ты будешь мой, клянусь души спасеньемъ!

11.

Не даромъ красная луна
Въ туманѣ сумрачномъ всходила
И свѣтъ тревожный наводила
Сквозь стекла темнаго окна.
Одной свѣчой озарены,
Вдвоемъ сидѣли до утра мы,
И тѣни бѣглыя отъ рамы
У ногъ скользили чуть видны.
Но вдругъ лобзанья прервала
И съ тихимъ стономъ отклонилась,
Рукою за сердце схватилась,
Сама, какъ снѣгъ въ горахъ, бѣла.
«Фотись, но что, скажи, съ тобой?»
Она чуть слышно мнѣ: «не знаю».
Напрасно руки ей лобзаю,
Кроплю ее святой водой.
Былъ дикъ и страненъ милый взглядъ,
Въ тоскѣ одежду рвали руки,
И вдругъ сквозь стонъ предсмертной муки
Вскричала: «поздно, милый!.. ядъ!»
И вновь, сломясь, изнемогла,
Любовь и страхъ въ застывшемъ взорѣ...
Межъ тѣмъ заря на бѣлой шторѣ
Ужъ пятна красныя зажгла.
И ликъ Фотись — недвижно бѣлъ...
Тяжеле тѣло, смолкнулъ лепетъ —
Меня сковаль холодный трепеть:
Безъ слезъ, безъ крика я нѣмѣлъ.

12.

Въ густой закутана вуаль,
Съ улыбкой сдержанной и странной
Она вошла, какъ гость нежданный,
Въ покой, гдѣ вѣяла печаль.

Ко мнѣ она не подошла,
Съ порога лишь заговорила:
«Теперь узнайте, что за сила
Меня опять къ вамъ привела,
Любовь слѣпая такъ сильна,
Что въ тягость стала мнѣ личина.
Откроюсь — я была причина
Внезапной смерти, я одна.
Мое признанье, вашъ отказъ,
Фотисъ надменной отрѣченье,
Любовь, обида, жажда мщенья, —
Водили мной въ тотъ страшный час.
Но нѣтъ раскаянья во мнѣ,
Такъ сладко быть для васъ преступной.
Судите мѣрой неподкупной:
Любовь лишь къ вамъ — въ моей винѣ.
Я знаю, въ васъ еще живетъ
Былой огонь, бывшее чувство.
Напрасно хладное искусство, —
Безумной страсти билъ чередъ.
Я жизнь и честь для васъ сожгла,
Стыдливость, гордость позабыла,
Желанье сердце отравило,
Какъ ядомъ полная игла.
Платившій высшею цѣной
Едва ли можетъ быть обмануть;
Пусть скорби всѣ въ забвенье кануть,
Со мной узнайте міръ иной!»
И платьемъ траурнымъ шурша,
Она подвинулась, взглянула...
Не ты ль, Фотисъ, крыломъ махнула,
Что вдругъ проснулась душа?
Навѣрно, дикимъ былъ мой взоръ,
Утраты полнъ непоправимой,
И ясно въ немъ непримиримый
Она узнала приговоръ, —
Затѣмъ, что смертно поблѣднѣвъ,
Она внезапно замолчала,
Но долго взоръ не отвращала:
Была въ немъ страсть, и смерть, и гнѣвъ.

Ушла навѣки. Не вонзилъ
Ножа въ предательское тѣло.
Какая воля такъ хотѣла,
Чтобъ я былъ трусь, лишенный силъ?

IV ГЛАВА.

ПАРИЖЪ.

1.

Снизу доносятся смутные шумы,
Крикъ продавцовъ и шумъ каретъ.
Тупо и тягостно тянутся думы,
Въ будущемъ счастья сердцу нѣтъ.
Какъ въ голубятнѣ, сажу я въ свѣтелкѣ,
Мимо бѣжить глухой Парижъ...
Что собираешь сосуда осколки,
Цѣлымъ разбитый вновь творишь?
Вѣтеръ въ окошко мнѣ пыль не доносить,
Смолкнуть вдали колеса фуръ,
Блѣдное золото вечеръ набросить
На полъ, на столъ, на бѣлый шнуръ.
Все, что минулося, снова всплываетъ
Въ этотъ прозрачный, свѣтлый часъ.
Часъ одиночества, тотъ тебя знаетъ,
Въ комъ навсегда огонь погасъ!

2.

Какъ въ сердцѣ сумрачно и пусто!
Въ грядущемъ — дней пустынныхъ рядъ.
Судьба, — искусная Локуста, —
Какъ горекъ твой смертельный ядъ!

Не я-ль, словамъ твоимъ послушенъ,
Стояль часами на мосту?
Но все-жъ я не былъ малодушенъ,
Не бросилъ жизни въ темноту.
По небу пламеннымъ размахомъ
Закатъ взвихрился выше трубъ,
Но я не сталъ бездушнымъ прахомъ:
Дышу, живу, ходячій трупъ.
Кто грудь мою мечомъ разрѣжетъ?
Кто впрыснетъ влагою живой?
Когда заря въ ночи забрезжитъ,
Затеплю гдѣ свѣтильникъ свой?

3.

Онъ подошелъ ко мнѣ свободно,
Сказавши: «вашей меланхолиі
Причина очень мнѣ близка,
И если мыслить благородно,
Что наша жизнь? миражъ, не болѣе.
Любовь — безумье, трудъ — тоска», —
И пальцемъ поправлялъ слегка
Въ петлицѣ лепестки магноліи.

Острится подбородокъ тонкій,
Отмѣченъ черной эспаньолкою,
Цилиндръ на головѣ надѣтъ,
Перчаткою игралъ съ болонкой,
Кривились губы шуткой колкою,
И горько говорилъ поэтъ:
«И я, какъ ты, моя Пипеттъ,
На счастье лишь зубами щелкаю.

Любовь и «вѣчное» искусство
На камнѣ призрачномъ основаны,
И безусловна смерть одна.
Что наше сердце, наши чувства?
Не вами, нѣтъ, душа окована,

Мечта лишь намъ въ удѣлъ дана».
 Тутъ осушилъ стаканъ до дна
 И замолчалъ разочарованно.

Казалось мнѣ, въ томъ разговорѣ
 Всплывало смутно сновидѣніе,
 Когда-то видѣнное мной,
 И въ этой позѣ, въ этомъ взорѣ,
 Въ пустыхъ словахъ разувѣренія
 Мнѣ голосъ слышится иной.
 И въ глубь души моей больной
 Входило странное влеченіе.

4.

Чья таинственная воля
 Мнѣ въ пути тебя послала,
 Странно другомъ нарекла?
 Какъ утопанное поле,
 Жизнь въ грядущемъ мнѣ предстала
 И пустыней привлекла.
 Такъ различны, такъ несхожи
 Сердца грустныя желанья,
 Наши тайныя мечты, —
 Но тѣмъ ближе, темъ дороже
 Мнѣ по улицамъ скитанья,
 Гдѣ идешь со мною ты.
 Вздохамъ горестнымъ помѣха,
 Чувствамъ сладостнымъ преграда, —
 Сталь сухой и горькій смѣхъ.
 Какъ испорченное эхо,
 Мнѣ на все твердить: «не надо:
 Вздохи, чувства — смертный грѣхъ».
 Все, что мыслю, все, что знаю,
 Я въ тебѣ ничтожнымъ вижу,
 Будто въ вогнутомъ стеклѣ, —
 Но очей не отвращаю
 И судьбу свою приближу
 Къ намагниченной иглѣ.

Словно злыми палачами
Къ трупѣ вражьему прикованъ,
Я влачуся самъ, какъ трупъ,
И беззвѣздными ночами
Я не буду расколдованъ
Ярымъ ревомъ новыхъ трубъ.

5.

Салонъ шумѣлъ веселымъ ульемъ,
Въ дверяхъ мужчинъ тѣснился строй,
Манилъ глаза живой игрой
Рядъ пышныхъ дамъ по желтымъ стульямъ.
Къ камину опершись, поэтъ
Читалъ поэму томнымъ дѣвамъ;
Старушки думали: «ну гдѣ вамъ
Вздохнуть, какъ мы, ему въ отвѣтъ?»
Въ длиннѣйшемъ сюртукѣ политикъ
Юнцовъ гражданскихъ поучалъ,
А въ креслѣ дѣдовскомъ скучалъ
Озлобленный и хмурый критикъ.
Сѣдой старикъ невдалекѣ
Велъ оживленную бесѣду,
То наклоняся къ сосѣду,
То прикасаяся къ рукѣ,
А собесѣдникомъ послушнымъ
Былъ изъ провинціи аббатъ,
Въ рябинахъ, низокъ и горбатъ,
Съ лицомъ живымъ и простодушнымъ.
Ихъ разговоръ меня привлекъ
Какой-то странной остротою, —
Такъ, утомленный темнотою,
Влечется къ лампѣ мотылекъ.
Но вдругъ живой мотивъ «редовы»
Задорно воздухъ пронизалъ, —
И дамы высыпали въ залъ:
Замужнія, дѣвицы, вдовы.
Шуршанье платьевъ, звяки шпоръ,
Жемчужныхъ плечъ и рукъ мельканье,

Эгретокъ бойкое блистанье,
И взгляды страстные въ упоръ...
Духовъ и тѣлъ томящій запахъ,
Какъ облакъ душный поднялся,
А разговоръ межъ тѣмъ велся
О власти Рима и о папахъ.
И старца пламенная рѣчь
Такимъ огнемъ была повита,
Что, мнилось, можетъ изъ гранита
Родникъ живительный изсѣчь.
И я, смущенье одолѣвъ,
Спросилъ у спутника: «кто это?»
Сквозь стекла поглядѣвъ лорнета,
Онъ отвѣчалъ: «Де Мэстръ, Жозефъ».

6.

Письмо любви! о пальцы женскихъ рукъ,
Дрожали ль вы, кладя печать цвѣтную?
Какъ безъ участя тотъ конвертъ миную,
Гдѣ спятъ признанья, дѣвичій испугъ!
А можетъ быть, кокетка записная
Обдуманной, холодной приговоръ
Прислала мнѣ, и блещетъ зоркій взоръ,
Заранѣе свою побѣду зная?
Зовете вы, любя иль не любя, —
Что мнѣ до васъ: одна, другая, третья?
Ахъ, не могу огнемъ былымъ горѣть я
И не хочу обманывать себя.
Я не сорву заманчивой печати,
Гдѣ сердце со стрѣлой и голубки...
Слова любви, вы — сладки и гибки,
Но я — ужъ не боецъ любовной рати.

7.

И вотъ безъ шума и безъ стука
Скокъ на порогъ подруга-скука.
Въ лицо пытливо заглянула:
Не ждя въ отвѣтъ
Ни «да», ни «нѣтъ»
Въ пріютъ привычный проскользнула.

Я ни мольбой, ни гибкой тростью
Прогнать не въ силахъ злую гостью.
Косыми поведетъ глазами,
Какъ будто годъ
Со мной живетъ,
Сидитъ не двигаясь часами.

Сухой рукой укажетъ флягу,
Я выпью, на кровать прилягу,
Она присядетъ тутъ же рядомъ,
И запоетъ,
И обойметъ,
Шурша сѣрѣющимъ нарядомъ.

Съ друзьями сталъ теперь въ разводѣ,
И не живу я на свободѣ.
Не знаю, какъ уйти изъ круга:
Всѣхъ гонитъ прочь
Въ глухую ночь
Моя ревнивая подруга.

Лежу, лежу... душа пустѣетъ.
Рука въ рукѣ заостенѣетъ.
Сама тоска уйдетъ едва ли...
И день за днемъ
Живемъ, живемъ,
Какъ плѣнники въ слѣпомъ подвалѣ.

8.

Аббатъ воскликнулъ: «вы больны,
Мое дитя, примите мѣры!
Какъ чадо церкви, чадо вѣры,
Въ своей вы жизни не вольны.
Вѣдь не свободный вы мыслитель,
Для васъ воскресъ и живъ Спаситель!»

.....
.....